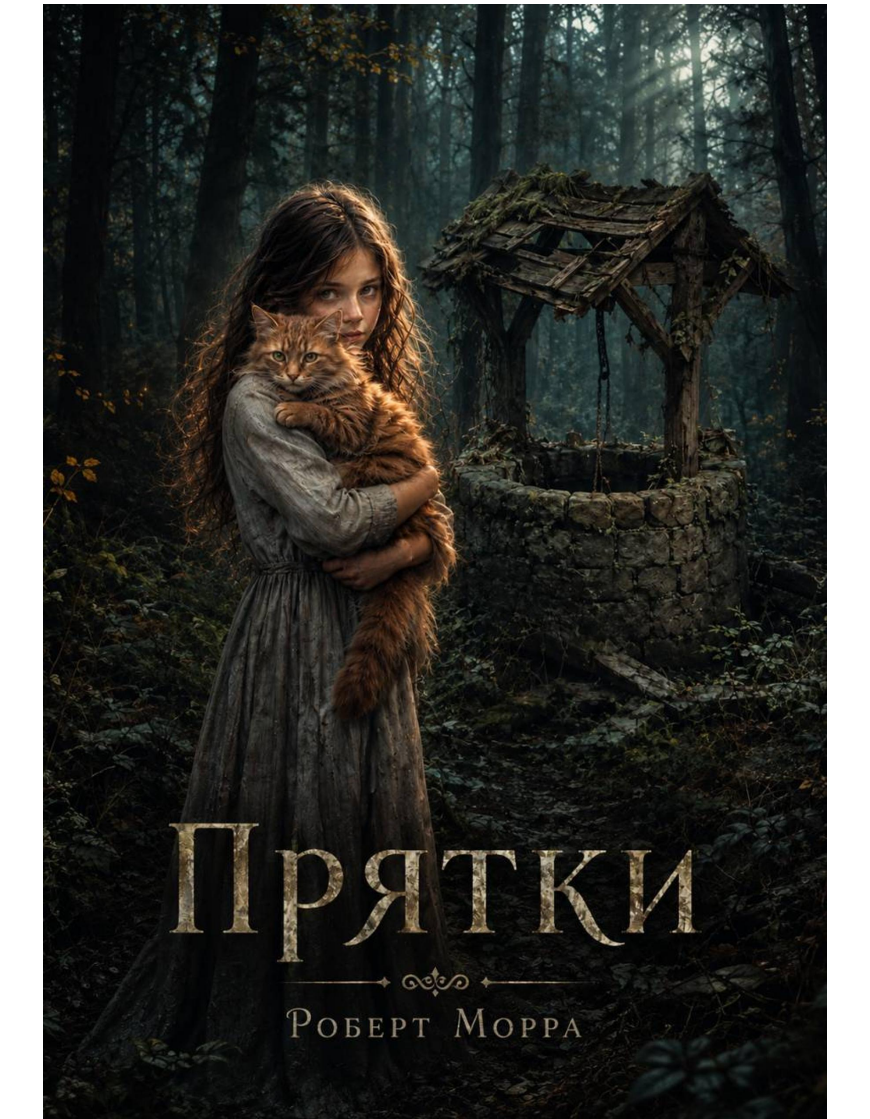

A movie poster for the Russian film 'Priglasenie na kazn' (The Invitation to a Beheading). The image features a young woman with long, dark, wavy hair, wearing a grey, long-sleeved, button-down dress. She is holding a large, fluffy orange tabby cat against her chest. They are standing in a dark, dense forest. In the background, there is a stone well with a wooden frame and a thatched roof, which appears to be in ruins. Sunlight filters through the trees, creating a misty atmosphere. The title 'Прятки' is written in a large, stylized, golden font at the bottom, with a decorative flourish below it. Below the flourish, the author's name 'Роберт Морра' is written in a smaller, golden font.

Прятки

Роберт Морра

Роберт Морра

Прятки

<https://litres.ru/74417722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если тьма решила заполучить вашу душу, то она не остановится ни перед чем...

Если ваши предки совершили непоправимую ошибку, то расплачиваться за неё, придётся, скорее всего вам или вашим потомкам...

Если вы - потомственная ведьма, то, вполне возможно, в вашей жизни появится какой-нибудь вампир, который пожелает похитить ваше сердце...

Содержание

Вступление	4
Глава 1. (1939 год. Неизвестное село)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роберт Морра

Прятки

Вступление

*«По сути мерзкий из меня бы
получился
человек
Но я припомню всё Вам Вашими
словами;
Как хладен снег,
Так долгод беспокойный век
И месть уже хладна...
Душа черства как будто камень...
Но к тем, люб мною кто, я ровен и
спокоен,
Мурлыча нежно, благодарно в
верности
клянусь...
Коль гладят шёрстку, я судьбой
своей
доволен,
Хоть и не знал, что в этом
странном облике
проснусь.
Пусть я не человек, и даже не хочу
стать им
пытаться,*

*Но всё же мыслями людскими был на
этот свет
гоним,
Служа пред Богом, я мечтаю в этой
жизни
оказаться,
Но не умею, как ни странно, я
прислуживать
пред ним...»*

Василина

Сижу на подгнившем столбе, скучаю. Хотя, скажу Вам честно, очень скоро не до скуки будет мне. Впрочем, как и Вам. Нет, не пугайтесь – не конкретно Вам, а вообще людям во всей своей совокупности. И я не пугаю.

Посудите сами, чем может напугать милое пушистое создание? А если учесть, что шёрстка моя имеет ярко рыжий цвет, даже с неким золотистым отливом, то и вообще ни о каком страхе и речи идти не может. И глаза – жёлтые, с тёмным ободком. Так что, хмурься – не хмурься, да хоть оскаливайся и урчи сколько хочешь, но даже ребёнка не испугаешь.

А они-то – я как раз детей этих и имею в виду – чаще всего и лезут, и пристают. Каждый карапуз так и норовит погладить да потрепать. И это действие могло бы, конечно, считаться относительно приятным для самого меня процессом, ибо какой кот не обожает ласку, но – клянусь – не всегда таковым является. Детишки ведь эти – никем не обученные уму-разуму создания. Привыкли мурок всяческих дра-

ных тискать, которых на любом чердаке или в любом подвале – хоть отбавляй. А вот серьёзный кот, исполненный конкретно людскими мыслями и задумками, крайне раздражается, когда детёныши эти, в процессе ласки и глажки, то клок шерсти цапанут неуклюже, а то и вовсе за хвост из-за переизбытка чувств схватят.

И на этот случай у меня, естественно, коготки острые имеются. Прежде чем махнуть ими, я, само собой, предупреждаю надоедливую жертву. Но предупреждаю быстро, а действую метко. Так что, мало кто из моих голопузых обидчиков уходил от меня без рёва и ярко красных царапин на своих вездесущих ручках. Пускают слёзы, жалуются мамам и прочим великовозрастным родственникам.

А что я? С меня взятки гладки. Не лез бы – не получил бы.

Впрочем, как только мамашки меня видят, вся их злоба на «мерзкого заразного кота» куда-то резко испаряется. Просто поверить не могут в то, что такая мохнатая милашка может быть способна на какую-либо агрессию. Зря, конечно, не верят, но переубеждать их я даже и не пытаюсь, предпочитая самозабвенно помурлыкать в ответ на их восхищения.

Да, я просто уверен в том, что просто-напросто нужно поклоняться моей особе, тогда и вам улыбнётся удача. Но об этом как-нибудь потом.

А сейчас? А сейчас только лишь о том, что я рыжим комочком сижу на подгнившем столбе и размышляю. Размышляю о том, кто же я такой и зачем я здесь. Многие могли бы

лишь рассмеяться над этими вопросами и, покрутив пальцем у виска, заявить:

«Глупый, что ли? Неужели ты не замечаешь то, что ты кот, а, значит, ты здесь затем, чтобы ловить мышей».

Но, в том то и дело, что я отлично замечаю то, что я кот. Рыжий и желтоглазый. И мыши..., кошки-мышки – вечная дилемма мироздания. И, ведь самое удивительное заключается в том, что именно те весельчаки, кто смеет как-либо смеяться надо мной, живут после своих подобных заявлений меньше, чем даже вышеописанные мыши.

Я кот. Но я ничего не знаю о себе. Не помню. Не помню ни себя котёнком, ни маму-кошку, ни братьев, ни сестёр. Как будто бы меня выхватили из бульона необязательных существ и вот так вот – резко посадили на этот столб. Я слышал, что многие кошки не помнят своего детства. Может быть, это правда, а, может быть, они просто лукавят. Ведь более высокомерных существ, чем кошки, я ещё не встречал.

Но почему я так говорю – «не встречал»? Будто бы я, выхваченный из бульона необязательных существ и резко посаженный на столб, мог при этом кого-либо ещё и встречать. А в этом заключается ещё одна загадка. Да, я ничего не помню о себе. Зато я почему-то знаю всё и обо всём. И тоже, кстати, не понимаю – откуда и почему.

И знаю я о том, что очень скоро произойдёт то, что не даст скучать ни мне, ни всему миру. вернее – начнёт происходить, но продлится не один день и не два. А, может быть, и всех

моих девяти жизней не хватит. Хотя, о чём это я. Мне нужно, просто необходимо, всё это увидеть. Должно, конечно же, хватить.

Ведь не зря же я – рыжий желтоглазый кот – сижу на этом подгнившем столбе.

Глава 1. (1939 год. Неизвестное село)

С самого утра стояла невозможная жара, но сейчас почему-то, хоть сумерки ещё и не наступили, по коже целым табуном носились мурашки. Какой-то ледяной ветер настойчиво покусывал маленькую девочку в лёгком цветастом платьице, игравшую с деревянной куклой на шершавых дубовых ступеньках крыльца собственного дома. Всем телом прижималась она к огромным отцовским сапогам, грозно возвышавшимся сбоку и, как всегда, облепленным какими-то таинственными лепёшками болотной грязи, Тут же примостились и папкины же калоши, и его же ботинки неопределённого цвета – хоть и заметно изношенные, но не потерявшие при этом загадочной прелести.

Маленькой девочке почему-то казалось, что это вовсе и никакие не ботинки, а добрые драконы-близнецы, странным образом поселившиеся на ступеньках этого крыльца. А кукла деревянная..., ну, кем же ей ещё быть, как ни прекрасной принцессой. Только вот драконы-близнецы вовсе и не думали её похищать. Она сама улетела на их спинах в далёкие странствия, чтобы своими глазами увидеть страны заморские и океаны буйные. На пару секунд девочка застыла. Потянула палец в рот и задумчиво посмотрела в сторону

— туда, где возле крыльца пробилось сквозь кучку щепок и опилок несколько жухлых травинок. Недолго поразмыслив, девочка сорвала одну из них, решив воплотить в ней образ храброго рыцаря. А как иначе? Она почему-то догадывалась, хотя почему — вспомнить не могла, о том, что если где-то есть принцесса и дракон, а в её случае — даже два дракона, то им обязательно придется мешать и докучать какой-нибудь храбрый рыцарь. Девочка помахала травинкой перед ботинками, а кукла-принцесса тут же, взвизгнув, упала в обморок, с грохотом скатившись на нижнюю ступеньку.

«Пх-пх, а-а-ах», — тут же затрепетала травинка перед одним из драконов, который вскоре с жалобным воплем полетел куда-то в сторону сеней.

Но второй-то дракон — братишка поверженного чудища — оказался не таким глупым. Он остороженько, практически на цыпочках, обошёл коварного рыцаря и неожиданно напал на того со спины.

«Ах! Ох! Ах!», — стenal испуганно воин, пока жёсткий ботинок мял и ломал тонкую сухую травинку. Ну что ж, вскоре с хитрющим рыцарем было покончено. Счастливая принцесса, пусть и со свежей трещиной на ноге, была водружена в отцовский ботинок и тут же отправилась в полёт над необъятной Землёю. В полёт, полный необыкновенных приключений.

И тут девочка нахмурилась и, вытащив куклу из отцовского ботинка, внимательно осмотрела её. Да уж, приключе-

ния приключениями, а ножка-то у принцессы не слабо рас-трескалась. Старое сухое дерево на этот раз не вынесло падения с высоты полёта. Не ровён час – так и вообще, отвалится ножка, и останется принцесска инвалидкой – совсем никому не нужной.

Девочка даже всхлипнула чуть-чуть, и хотела было уже сравнить бедняжку с собой, как вспомнила, что сама-то она ещё как нужна своему единственному родному человеку – серьёзному и громадному папке, который в данный момент должен быть дома, либо где-то рядом. Как бы ни был он молчалив и мрачен, но дочку свою практически никогда не упускал из виду. Даже когда бродил по липким болотам, брал маленькую девочку с собой.

Потому-то, всего лишь к четырём годам своей жизни девочка кое-что уже знала о некоторых тайнах загадочных лесных жителей. Повадки зверей, настроения деревьев, разницу между съедобными и целебными плодами – всему этому обучал её отец. Но иногда и сами аборигены чащоб рисковали заводить с девочкой речи, потешно удивляясь тому, что она, оказывается, их слышит и понимает. Леший, например – маленький, коренастый и кривобокий мужичок, порой рассказывал о только лишь ему ведомых лесных тропах, болотные кикиморы как-то непонятно шутили, и сами же взahlёб смеялись над своими шутками, а призрачный волк попросту преследовал – неотступно, шаг за шагом.

«И сейчас папка где-то рядом, — думала девочка, всмат-

риваясь во тьму коридорчика в сенях, — дома, наверное».

«Ах, нет», — чуть даже не взвизгнула она в голос, когда увидела сваленные в тёмном уголке рваные шлёпанцы отца. Как бы ни был он близок с природой, как ни носил среди местного населения сомнительное клеймо отшельника-дикаря, но по дому всегда предпочитал передвигаться исключительно в своих древних полуразвалившихся шлёпанцах. Но они здесь, как, впрочем, и уличная обувь. Значит, отец гуляет где-то на улице, но — босиком.

Хотя, конечно же, это нисколько не удивляло девочку. Её папка любил бродить без обуви. конечно же, только по улице. И только по заросшим травкой тропинкам. Чаше — по лесным дорожкам, или же по каким-нибудь зарослям в овражках.

«Но вряд ли папка мог уйти далеко, — всё же забеспокоилась малышка, настороженно оглядываясь по сторонам, — не мог же он меня так надолго одну оставить».

К счастью, в следующую же минуту все её опасения развеялись. Знакомая с самого рождения, огромная фигура мужчины в странном тесном пиджаке медленно выплыла из-за угла, задержавшись, буквально на секунду, возле зарослей крапивы, атаковавших покосившийся забор.

— Лиза! — громко затянул он низким густым басом, отыскав глазами играющую на крыльце девочку.

В ответ она не спеша подняла голову, и, крепко прижав любимую куклу к себе, кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.